

Ревко-Линардато Павел Сергеевич

кандидат философских наук,
доцент кафедры 109Б
Московского авиационного института
(национального исследовательского университета)

АНТИЧНАЯ ФИЛОСОФИЯ И ГРЕЧЕСКАЯ АПОЛОГЕТИКА

Аннотация:

В статье на примере апологий Юстина, Афинагора и Татиана рассматривается отношение ранних греческих апологетов к языческой философии. Христианские апологеты развивали христианское богословие в целях защиты новой религии перед образованными язычниками. Апологеты не отвергли греческую философию, но предприняли попытку продемонстрировать ценность христианства в рамках греческой рационалистической традиции. Для этого они использовали различные философские и формально-логические подходы.

Ключевые слова:

античная философия, христианство, язычество, апологетика, Юстин, Афинагор, Татиан.

Revko-Linardato Pavel Sergeevich

PhD in Philosophy,
Assistant Professor,
Moscow Aviation Institute
(National Research University)

THE ANCIENT PHILOSOPHY AND THE GREEK APOLOGETICS

Summary:

The article considers attitude of the early Greek apologists to pagan philosophy by case study of Justin, Athenagoras and Tatian. The Christian apologists developed Christian theology in order to defend the new religion to educated pagans. The apologists did not reject the Greek philosophy, but attempted to show the value of Christianity in the framework of the Greek rationalist tradition. For this purpose, apologists employed a variety of philosophical and formal logic approaches.

Keywords:

Ancient philosophy, Christianity, paganism, apologetics, Justin, Athenagoras, Tatian.

Раннехристианские писатели, которые главную цель своих произведений видели в защите основных принципов христианства от критики языческих мыслителей и правителей, известны под собирательным наименованием «апологеты». Слово «апологетика» (греч. ἀπολογία – «защитительная речь») использовалось еще в дохристианский период в качестве своеобразного юридического термина для обозначения ответной речи защитника на речь обвинителя в судебном процессе. Произведения христианских апологетов, созданные для защиты собственного образа мыслей и поведения от возражений и обвинений со стороны язычников, стали первым этапом становления христианской философии и литературы. Для апологетики была важна прежде всего эффективность аргументации, ее задачей являлось «не открытие, а убеждение и доказательство» [1, с. 40]. Апологеты стремились доказать язычникам превосходство собственной религии, обратить внимание на то, что философия погрязла во внутренних противоречиях и не дает единой для всех истины, хотя некоторые из философов достаточно близко приблизились к христианскому учению – единственно истинному и верному.

Деление апологетики (как и в целом патристики) на греческую (восточную) и латинскую (западную) позволяет зафиксировать не только различие лексических средств, но также особенности стиля и проблематики. Латинский язык апологеты стали использовать позже, чем греческий. Представители латинской апологетики были родом из далеких провинций, где на них оказала влияние простонародная латынь, поэтому латинская теологическая терминология долгое время была беднее греческой. В латинской апологетике наблюдалось иное, в сравнении с греческой, отношение к риторике: «У самых риторически одаренных латинских авторов мы встречаем и фактическое пренебрежение канонами классической латыни (Тертуллиан), и намеренное неприятие грамматического и стилистического пуризма» [2, с. 110]. В то же время на грекоязычном Востоке, «где общий уровень риторической культуры был выше, чем на Западе, выбор выразительных средств никогда не составлял проблемы» [3, с. 109].

Адресатом сочинений апологетов была прежде всего не христианская, а языческая аудитория. В связи с этим возникла необходимость использования особых выразительных средств и применения принципиально иной системы аргументации в сравнении с текстами Священного Писания. Ветхозаветная традиция не могла дать образцы для подражания, что вынудило апологетов обратиться к греко-римскому наследию. Религиозно-философская дискуссия, нашедшая отражение в сочинениях апологетов, осуществлялась с использованием хорошо известных античных литературных средств и принципов. Вместе с применением формальных приемов неизбежно происходило восприятие и определенных мировоззренческих установок.

Греческий философский и литературный аппарат ранее уже использовался эллинизированными иудейскими авторами, стремившимися продемонстрировать образованным язычникам само-

стоятельную ценность религиозных традиций иудаизма в сравнении с интеллектуальными завоеваниями эллинизма. При этом для эллинизированного иудаизма было характерно не столько стремление к противопоставлению греческой философии и религии, сколько поиск компромисса между ними. Так, Аристовул обнаружил определенное родство греческой философии и иудейской мудрости, для объяснения которого, по свидетельству Евсевия Кесарийского, выдвинул тезис о том, что ключевые философские идеи греки заимствовали из Закона Моисея (*Praeparatio Evangelica*. XIII, 12, 1–2). Позже Филоном Александрийским, попытавшимся примирить языческую науку и монотеистическую религию, было заявлено, что библейская мудрость и греческая философия не противоречат друг другу, поскольку рождены одним Логосом (*De mutatione nominum* 63).

В то же время палестинским иудаизмом в течение нескольких веков велась борьба, как вооруженная, так и идеологическая, против римской власти и эллинистической культуры. Враждебные настроения иудаизма перешли к раннему христианству, которым объявлялось о неминуемом крушении империи. Первым христианам их религиозные установки и традиции греко-римской культуры казались принципиально несовместимыми. Однако, по мере изменения социально-политической обстановки, стали наблюдаться определенные тенденции к их сближению. В доктринальном отношении во втором столетии христианство все еще являлось иудейской сектой, но, обнаружив точки соприкосновения с греко-римской философией, новая религия все более отходила от иудаизма. Когда христианство стало осознавать себя как самостоятельное религиозное образование, отличное и от иудаизма, и от язычества, появилась потребность в обосновании права на собственную позицию, альтернативную другим религиозным системам. Христианство не формировалось в духовном вакууме, поэтому неизбежно воспринимало имеющиеся философские и литературные приемы. Апологеты, как ранее эллинизированные иудеи, применяли разработанный языческими философами концептуальный и логический аппарат как важный инструмент для формулирования собственных убеждений и доказательства своей правоты.

Религиозно-философская полемика, развернувшаяся в первые века нашей эры между язычниками и христианами, прошла путь от высокомерного и снисходительного отношения первой стороны ко второй через неприкрытые агрессивные взаимные нападки и обвинения до рационалистической критики с призывами к веротерпимости, обращенными уже к христианам [4]. Когда вопрос выживания новой религии во враждебном языческом окружении был снят и христианство обрело в империи статус государственной религии, апологии перестали быть главным жанром христианской литературы. Но в период гонений в апологиях сосредоточивалась вся интеллектуальная составляющая жизни христианских общин.

Распространение христианства на территории Римской империи происходило относительно быстро, особенно в городах. Новой религии удавалось встраиваться в существующую систему нравов и обычаев римского общества, что в значительной степени объясняется тем, что большинство высших церковных иерархов были людьми, получившими классическое образование и сформировавшимися в традициях античной культуры. «Подобно большинству образованных носителей греческого языка, восточные христианские авторы (как правило, получавшие воспитание и начальное образование в той же среде, что и язычники), с детства были приучены хорошо говорить и хорошо писать» [5, с. 110]. Христианской интеллектуальной элитой греко-римская образованность была использована в собственных интересах, что означало активное заимствование методов аристотелевской логики и неоплатонической диалектики.

Возможно первым, кто использовал терминологию греческой философии применительно к христианскому вероучению, был Юстин Философ (Мученик), что дает основания считать его родоначальником христианского богословия, связанного с платонизмом и в силу этого глубоко отличающегося от неспекулятивного образа мысли, свойственного библейским текстам [6, с. 348]. В юности Юстин состоял в стоической и других философских школах, но, приняв христианство, полностью посвятил ему всю свою жизнь. Знание Юстином текстов Священного Писания в сочетании с основами греческой философии позволило ему найти рациональные аргументы для защиты христианства от нападков со стороны язычников и иудеев. Он написал две апологии, адресованные императору Антонию с целью расположить его в пользу христианского учения. Юстин представлял христианскую веру как новую философию, а предание христиан смерти за их нежелание поклоняться языческим богам и императору он расценивал в качестве эсхатологического повторения судьбы Сократа, незаслуженно казненного за атеизм (*Apologia I*, 5).

В самом деле Сократ и христиане обвинялись в одних и тех же преступлениях. С определенной точки зрения в платоновской «Апологии Сократа» можно обнаружить формально-литературные и идейно-содержательные основания христианской апологии. Вопрос о степени влияния сочинения Платона на Юстина является дискуссионным и требует отдельного исследования, но сам факт использования христианами апологетами созданного Платоном образа является очевидным. Доля гонимых христиан представлялась сходной с судьбой Сократа, осужденного на смерть

за свои убеждения. В отношении Сократа (и Гераклита) Юстин заявляет: «Те, которые жили согласно со Словом, суть христиане, хотя бы они считались за безбожников...» (Apologia I, 46).

Юстин выработал основные аргументы для доказательства превосходства христианства над греческой философией, среди которых: ориентация языческой философии на узкий круг образованной элиты, в то время как христианская мудрость открыта для всех; труднодоступная форма изложения языческой философии, в то время как христианская мудрость отражается с помощью понятных и доступных слов; отсутствие единства языческой философии, представленной совокупностью различных направлений, в то время как истинная мудрость является единой; представление о языческой философии как результате творения людей, в то время как христианская мудрость – творение божественное; более позднее появление языческой философии в сравнении с учениями еврейских пророков (Apologia I, 20, 23, 44; Apologia II, 10; Dialogus cum Tryphone Judaeo 2).

По мнению Юстина, греческая философия являлась предшественницей христианства, а христианство стало откровением того, что философия могла только предчувствовать (Apologia II, 8, 10). Платоном и другими философами знания о Логосе были почерпнуты у Моисея, следовательно, их учения не являлись полностью оригинальными (Apologia I, 60).

Влияние греко-римской образованности заметно в сочинении афинского апологета Афинагора «Заступничество за христиан», направленного императору Марку Аврелию и его сыну. Автор попытался использовать терминологию и определенные идеи стоиков и неоплатоников для доказательства непричастности христиан к преступлениям, которые послужили основанием для гонений на них. Афинагор писал, что клевета против христиан никоим образом не уменьшает их правоты, так же, как приговор Сократу не уменьшил его добродетельности (Legatio pro christianis 3). Примечательно, что Афинагор не воспользовался аргументом Юстина о заимствовании греческой философией идей Ветхого Завета, но признавал определенные совпадения между ними. Лучшие из греческих философов – Платон и Аристотель были монотеистами, поскольку монотеизм является логичной и адекватной позицией для истинной религиозности (Legatio pro christianis 16; 22).

Другим апологетом – Татианом, написавшим «Слово к эллинам», дан образец апологии, враждебно относящейся к языческой философской традиции. Татиан говорил о безнравственности языческих философов, учения которых расходились с их поведением – например, Диоген умер от чревоугодничества, а Платон оказался проданным в рабство из-за чрезмерной алчности (Adversus Graecos 7). Все достижения, которыми гордятся греки, были украдены ими у других народов – египтян, вавилонян и др. Они переняли у евреев философию, но испортили ее, добавив в нее собственные ошибки и заблуждения (Adversus Graecos 7, 35). Примечательна биография Татиана – родом из Ассирии, был учеником Юстина, после казни которого вернулся на Восток, где стал основателем крайне аскетической секты энкратитов, за что был осужден как еретик. Таким образом, автор агрессивной апологии оказался вне рамок официальной церкви.

Как было показано, среди апологетов не существовало единодушия в оценке греко-римской образованности. Но оградить себя от влияния языческих авторов они не могли. Апологеты имели довольно глубокие знания в области философии, независимо от своего отношения к ней. Невзирая на наличие среди апологетов противоречивых и даже иногда противоположных точек зрения на возможность нахождения гармонии между новой религией и языческой философией, именно апологетика предоставила первые варианты формулировки христианского учения в терминах греческой философии. Несмотря на то что оценка языческой философии была в значительной степени связана с оценкой нравственной, «в апологетах приходится удивляться не резкости отдельных выпадов, а исключительной терпимости и умению оценить и выделить существо греческой мысли» [7, с. 41].

Благодаря деятельности апологетов античное культурное наследие вошло в христианские общины. Апологеты не только желали защитить новую религию и принизить греко-римскую философию, но пытались также обнаружить точки соприкосновения языческих и христианских традиций. Такие точки соприкосновения превращались в основу, на которой выросло новое мировоззрение. В апологиях христианство начало сознавать себя как социальное явление, что заставило исследовать природу его отличия от других религиозно-культурных традиций. Это стало возможным вследствие активного абсорбирования наследия греко-римской образованности и превращения христианства в самостоятельную философию.

Ссылки:

1. Майоров Г.Г. Формирование средневековой философии: Латинская патристика. М., 2009. 296 с.
2. Столяров А.А. Патрология и патристика. Краткое введение. М., 2004. 158 с.
3. Там же. С. 109.
4. Ранович А.Б. Первоисточники по истории раннего христианства. Античные критики христианства. М., 1990. 447 с.
5. Столяров А.А. Указ. соч. С. 110.
6. Вермеш Г. Христианство: Как все начиналось. М., 2014. 384 с.
7. Карсавин Л.П. Святые отцы и учителя Церкви. М., 1994. 178 с.

References:

- Karsavin, LP 1994, *The holy fathers and teachers of the Church*, Moscow, 178 p., (in Russian).
- Mayorov, GG 2009, *Formation of Medieval Philosophy: Latin patristic*, Moscow, 296 p., (in Russian).
- Ranovich, AB 1990, *Primary sources for the history of early Christianity. Antique criticism of Christianity*, Moscow, 447 p., (in Russian).
- Stolyarov, AA 2004, *Patrology and Patristics. Brief introduction*, Moscow, 158 p., (in Russian).
- Vermesh, G 2014, *Christian: How it all began*, Moscow, 384 p., (in Russian).